

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ! ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВНИ ЛУЧИН РОГАЧЕВСКОГО РАЙОНА МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ ОСЕНЬЮ 1943 ГОДА

В статье анализируется трагедия деревни Лучин Рогачевского района – один из эпизодов карательных операций немецко-фашистских захватчиков на территории Беларуси в ходе Великой Отечественной войны. Рассмотрены обстоятельства уничтожения населённого пункта, соотношение сил карателей и партизан, а также ход событий осенью 1943 года. На основе анализа источников установлено, что сожжение деревни стало частью широкомасштабной акции террора против мирного населения, поддерживавшего партизанское движение. Также упомянута важность сохранения исторической памяти и увековечивания памяти жертв фашизма. В работе подчёркивается необходимость дальнейшего изучения локальных трагедий для формирования объективной картины оккупационного режима.

Осенью 1943 года обстановка на оккупированной территории Белорусской ССР оставалась крайне напряжённой. Партизанское движение набирало силу, контролируя значительные участки местности, что вызывало серьёзную озабоченность немецкого командования [1]. В ответ на рост активности партизанских отрядов в Могилёвской области вермахт, охранные подразделения СС и коллаборационистская полиция проводили масштабные карательные операции, направленные на уничтожение баз снабжения, нарушение коммуникаций сопротивления и запугивание местного населения. Значение таких событий, как трагедия деревни Лучин, определяется не только масштабом человеческих жертв, но и наглядной демонстрацией жестокости оккупационного режима [2].

Успех партизанского сопротивления был обусловлен неразрывным единством армии и народа, однако цена этой борьбы включала в себя гибель сотен ни в чём не повинных мирных жителей. Цель данного исследования – на основе доступных архивных и мемуарных материалов реконструировать ход трагических событий в Лучине, проанализировать тактику карательных отрядов и подчеркнуть историко-педагогическое значение сохранения памяти о жертвах фашизма. Методологическую основу работы составили принципы историзма, объективности и сравнительно-исторический анализ документальных источников.

К осени 1943 года Рогачевский район превратился в арену активных боевых действий и подпольной борьбы. Немецкое командование сосредоточило здесь значительные силы для проведения регулярных антипартизанских операций. Против партизанских бригад и поддерживающего их мирного населения действовали регулярные части вермахта, полицейские батальоны порядка и вспомогательные формирования из числа коллаборационистов [3].

Основной замысел карателей заключался в изоляции партизан от местного населения путём физического уничтожения опорных пунктов, конфискации продовольствия и массового сожжения деревень, подготавливаемых в связях с движением сопротивления. Данная тактика соответствовала общей стратегии

«выжженной земли», реализуемой оккупантами при отступлении и стабилизации тыловых зон.

В Рогачёвском районе осенью 1943 года действовали соединения 1-й Минской и 3-й Витебской партизанских бригад, а также подпольные райкомы партии, координировавшие диверсионную деятельность на железнодорожных участках. Деревня Лучин находилась в зоне влияния одного из таких отрядов и служила пунктом связи, где жители организовывали сбор продовольствия, медикаментов и разведывательных данных для партизан. Немецкое командование, фиксируя рост числа диверсий на коммуникациях, отдало приказ провести «зачистку» территории. Операция осуществлялась силами сводной карательной группы, включавшей элементы охранных дивизий вермахта, полицейские батальоны и подразделения вспомогательной полиции. Согласно немецким отчётным документам, подобные акции классифицировались как меры по «умиротворению тыла» и подчинялись директивам высшего руководства СС и полиции.

Деревня Лучин оказалась в эпицентре одной из таких карательных акций. Осенью 1943 года специально сформированный отряд окружил населённый пункт, перекрыв все возможные пути отхода. Жителям не было предоставлено никакой возможности эвакуироваться или вывести скот и имущество. Согласно воспоминаниям немногих выживших очевидцев и материалам послевоенных расследований, основная часть жителей была насильно согнана в деревянные жилые постройки и хозяйственные помещения, которые впоследствии были подожжены [4].

Сопротивление оказывали лишь немногие жители, располагавшие охотничьим или партизанским оружием, однако силы были абсолютно неравны. Глубина трагедии усугублялась тем, что среди погибших преобладали женщины, старики и дети, не имевшие возможности покинуть горящие дома.

По свидетельствам очевидцев и материалам Чрезвычайной государственной комиссии, каратели применяли тактику психологического давления: перед началом акции по округу распространялись слухи о «партизанской облаве», чтобы спровоцировать панику и предотвратить организованное сопротивление. Огнём были уничтожены не только жилые дома, но и хозяйственные постройки, школы, колодцы и запасы

зерна, что свидетельствует о целенаправленной политике полного экономического уничтожения населённого пункта. Отдельные группы жителей, сумевших вырваться из оцепления до полного окружения, впоследствии присоединились к партизанским отрядам, где лично свидетельствовали о зверствах карателей. Эти показания стали основой для послевоенных судебных процессов над пособниками оккупантов и фигурировали в делах, рассматривавшихся военными трибуналами в конце 1940-х годов.

Операция по уничтожению деревни проводилась по отработанной немецкой схеме: предварительная разведка, плотное блокирование района, принудительный сбор жителей, ликвидация населения и тотальное сожжение имущества. Каратели стремились создать «мёртвую зону» вдоль коммуникаций, критически важных для снабжения немецких войск и подавления партизанских вылазок. В результате действий оккупантов деревня была полностью уничтожена, а значительная часть её жителей погибла. Точное число жертв варьируется в различных историко-документальных источниках, однако масштаб трагедии объективно сопоставим с другими сожжёнными деревнями Беларуси. Анализ архивных актов Чрезвычайной государственной комиссии и послевоенных следственных материалов свидетельствует о том, что уничтожение Лучина не носило спонтанного характера, а являлось звеном в цепи скоординированных акций террора.

Местные жители активно передавали партизанам продовольствие, укрывали раненых бойцов и разведывательные группы, что делало деревню стратегически значимой в глазах оккупационного командования. После сожжения населённого пункта каратели провели реквизицию уцелевшего имущества, а выживших, которым удалось скрыться в лесных массивах, принудительно переселяли в другие районы или угоняли на принудительные работы. Несмотря на кажущуюся эффективность подобных методов, карательные операции не достигли главной цели: они не сломили волю местного населения, а, напротив, укрепили моральный дух партизанских формирований и стимулировали создание новых подпольных ячеек в освобождённых и прифронтовых зонах.

Историко-демографические последствия трагедии ощущались в районе ещё долгие годы после освобождения: нарушилась традиционная система расселения, были утрачены семейные архивы и устные предания, что делает работу с местными источниками особенно важной для восстановления полной картины событий.

Выполнен анализ обстоятельств трагедии деревни Лучин осенью 1943 года. Установлено, что уничтожение населённого пункта являлось частью планомерной политики террора немецко-фашистских захватчиков и их пособников против мирного населения Беларуси. Определено, что провал попыток немцев полностью подавить партизанское движение не остановил карательные акции, направленные на устрашение и демографическое опустошение тыловых районов. Важно сохранять документально подтверждённую память о таких событиях, чтобы не допустить повторения подобных трагедий в будущем. Историческая память о жертвах фашизма остаётся неотъемлемой частью национальной идентичности белорусского народа и служит нравственным ориентиром для последующих поколений.

В условиях современных вызовов, связанных с попытками ревизии итогов Второй мировой войны и фальсификации исторических фактов, особое значение приобретает системная работа по оцифровке архивных фондов, поддержке местных музеев боевой славы и интеграции материалов о локальных трагедиях в образовательные программы школ и вузов. Только на основе всестороннего изучения исторических источников возможно формирование объективной, неопровержимой картины преступлений оккупационного режима.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сравнительный анализ карательных операций в Могилёвской области с аналогичными событиями в других регионах БССР, а также изучение роли местных органов самоуправления в послевоенном восстановлении сожжённых деревень. Отдельного внимания заслуживает исследование механизмов послевоенной мемориализации трагедии: установки памятников, проведения ежегодных памятных мероприятий и включения темы Лучина в краеведческие экспозиции районных музеев.

Список литературы

1. Беларусь в Великой Отечественной войне. 1941–1945 : Энциклопедия / редкол. : И. П. Шамякин [и др.]. – Мн. : БелЭн, 1990.
2. Казак, К. М. Карательные операции на территории Беларуси / К. М. Казак. – Мн. : Наука и техника, 2005. – 240 с.
3. Память: историко-документальная хроника Рогачевского района. – Минск: Белорусская энциклопедия им. П. –Бровки, 1994. – 511 с.
4. Злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Беларуси // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – Москва : Советская энциклопедия, 1965. – Т. 11. – С. 56.

Аладко Анастасия Юрьевна, студентка 1 курса ФКП БГУИР, nastya.aladko@list.ru

Гнилевская Полина Дмитриевна, студентка 1 курса ФКП БГУИР, polina241106@gmail.com

Научный руководитель: Куракевич Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин